

Здесь также нет возможности объяснить буддизм. Если бы все вместе проповедовали медленно и неспешно, то потери, которые были съедены ранее, были бы терпимы. Однако сейчас проблема в том, что Е Цзан вывел монастырские ворота на скоростную полосу, и они могли продвигаться лишь понемногу. Поэтому вполне вероятно, что им не потребуется много времени, чтобы даже почувствовать запах выхлопа со стороны "даосизма", не говоря уже о том, чтобы схватить пирог.

Возможно, такая ситуация не считается "временем жизни и смерти" для буддизма, но для этой миссии ситуация крайне тяжелая. В конце концов, буддизму также необходимо получить достаточно заботы Неба и Земли через проповедь, и ему нужна удача, чтобы укрепить себя. Если буддизм на этот раз ничего не приобретет, или если приобретение будет минимальным, тогда он будет все медленнее и медленнее, чем даосизм.

Не думайте, что "даосская семья" - это действительно семья. Соперничество между буддизмом и даосизмом продолжается со времен голода и до настоящего времени. Буддизму всегда было присуще чувство кризиса. Если не будет вторжения демонов, если даосизм действительно сможет стабилизировать буддизм, то Сяньтин может больше не позволить буддизму существовать.

Что касается противоречия между буддизмом и даосизмом, то действительно можно сказать, что оно непримиримо.

Буддизм основан на вере, и в основе своей он является строго исключительным. Когда вы обращаетесь в другую веру, вам не разрешается верить или изучать что-либо, кроме буддизма. В крайнем случае, если бы все в мире верили в буддизм, то даосизм не имел бы ни малейшего жизненного пространства.

В противоположность этому, даосизм на самом деле несколько пассивен, ведь каждая секта в основном не ограничивает верования учеников. Традиции каждой секты передаются по наследству в виде мастеров и учеников. Пока вы поклоняетесь мне как учителю, неважно, какая у вас вера, я передам вам все. Конечно, ваша вера не может быть "магией" или "буддой" буддизма.

Поэтому бессмертный двор, фактически контролируемый даосизмом, всегда был очень насторожен к буддизму, и его нужно подавлять по мере возможности. Говоря об этом, кажется, что у даосской стороны есть ощущение кризиса, но кто утверждает, что даосизм всегда был на высоте?

"Вуджийоу, неужели у тебя нет места, чтобы помочь мне с помощью буддизма об этом поезде и других вещах, которые ты делаешь в этом мире?" Монах Гуанвэнь стоял в воздухе перед Е Цзанем, его голос был нетерпелив. С беспомощностью, с одной стороны, это жатва Е Хунье, а с другой - самопознание того, что это нелегко.

Конечно, перед лицом просветления монаха, Е Цзан ответил очень просто: "Хаха, спасибо за доброту монаха, но на самом деле помочь нечем, и такую доброту можно только ухватить."

Е Цзан был весьма бдительным, когда дело касалось обучения, не говоря уже о том, что он не хотел из-за этого обижаться на суд фей, давая некоторым людям повод для собственных неприятностей. Поэтому, каким бы искренним ни был монах, даже если его можно было пожалеть, он не собирался позволять другой стороне вмешиваться.

"Бедный монах знает, что у Дао Ты должны быть опасения, но Дао Ты может посчитать, что

моя интерпретация может не подойти!" Монах по слухам догадался о беспокойстве Е Цзяня, поэтому и придумал такой "лучший из двух миров" подход.

"Это... то, о чем вы часто говорите, - иметь отношения с Буддой?" Е Цзян слышал, что монах в новостях хотел покопаться в буддизме, и он не мог не спросить с легкой насмешкой.

Е Цзян строго говоря не питает особых недобрых чувств к толкованию, но это определенно не означает, что он охотно присоединился бы к толкованию. Чтобы быть холостяком, ты должен быть свободным холостяком, а не холостяком по разным дисциплинам. Конечно, на самом деле это шутка. Е Цзян отвергает буддизм не только из-за "дискуссии", но главным образом ради "свободы".

"Вера" - это клетка сама по себе, и нужно посвятить вере все, включая свою жизнь и волю. Е Цзянь не желал этого. Когда верующий с Буддой в голове посвящал все Будде, он терял свободу воли.

"Толкование Даоюй обо мне, боюсь, есть некоторое недопонимание! На самом деле, после того, как способности Даоюя будут преобразованы в мои, он, возможно, не сможет в будущем обмениваться на плод Ло Хань." Монах Гуанвэнь по-прежнему говорил беззлобно, и даже похвалил Йе. Под таким щедрым обращением.

Однако, со стороны Е Цзяня, этот Лохань также является верующим Буддой, и может рассматриваться как существование без себя. Не говоря уже о Ло Хане, даже Будда в буддизме, в конечном счете, является верующим Буддой, который "возвысил меня только в небесах и на земле".

И вот уже столько лет Е Цзян культивирует даосизм. То, к чему он действительно стремится, или как цель, - это трансценденция "из Трех царств, а не в Пяти элементах" в даосизме. По его мнению, только свободная и долгая жизнь - это долгая жизнь, а долгая жизнь под контролем человека - это пытка, это настоящее пожизненное заключение. С этим лучше покончить как можно скорее.

"Монаху не нужно больше ничего говорить. Меня не интересуют толкования. Вечная жизнь - это не то, чего я хочу. Поскольку старший монах тоже видит, что его беспокоит, то, пожалуйста, не позволяйте смущать следующего человека." Е Цзян очень прямо отверг широко слышимого монаха, а также показал свое отношение в этом вопросе.

"Здесь, обещание обещания Даоюй, бедный монах также знает, что это смущение даоса, но если это не друг, я буду смущать меня ..." беспомощно сказал монах Гуанвэнь.

Е Цзян услышал это, поднял глаза и оглядел себя, затем снова повернулся к лицу монаха Гуанвэня и с улыбкой сказал: "Слушая слова монаха, кажется, что трудно быть хорошим! Но разве это не так?"

Я никогда не думал, что если ты не сделаешь этого, то боюсь, что в этом утреннем мире больше не будет места для тебя! "

Е Цзян услышал из слов монаха, что на этот раз он услышал намерение другой стороны поклясться, поэтому, когда убеждение невыгодно, естественно, он может только посмотреть, у кого кулак больше. Однако, несмотря на столкновение с силой французского уровня, Е Цзян не проявил ни малейшей робости, а еще больше выразил свое отношение.

Смысл слов Е Цзяня прост: Если ты хочешь идти по горизонтали, я буду сопровождать тебя до конца, но пока ты начинаешь, ты будешь в порядке в этом мире утренней зари.

"Амитабха! Бедный монах тоже не хотел этого, но по сей день, ради будущего моего толкования, меня могут обидеть только друзья!" Монах Гуанвэнь произнес имя Будды, и на его лице также появилась печаль.

Широко известно, что печаль на лице монаха на самом деле не чувство нетерпимости или эмоции в его сердце, а небольшая характеристика буддийского буддизма. Говорят, что когда буддизм только был основан, Будда всегда был полон печали, вызывая у людей чувство сострадания. Однако Будда Буддизма никогда не был способен вынести это, и это определенно жестокая рука.

Вместе с широко слышимым монахом, скандирующим буддийский лозунг, слева и справа от Е Цзяня и в трех направлениях позади него одновременно появились великие монахи, обучающие буддизму. Три великих монаха, побывавших в Святой Земле Рассвета Церкви Рассвета, все они обладают силой уровня Фа, и являются братьями и сестрами монаха Гуанвэня: монах Гуанчжи, монах Гуанлян и монах Гуанфа.

В мгновение ока Е Цзян оказался в окружении четырёх светловолосых лысых голов, а он всё ещё был могущественной силой четырёх уровней закона, как будто он уже был в отчаянии.

Четыре монаха на его собственной стороне окружили Е Цзяня в метафизическом состоянии.

Широко известный монах не смутился, а сказал тоном размышления для Е Цзяня: "Женщины, друзья, бедный монах еще раньше сказал, Теперь, когда у Даоюя много забот, бедный монах и другие помогут Даоюю отсечь эти раздражители! "

Какая справедливость и мораль ничего не стоят перед интересами! Те монахи, которые вели монастырские конфликты по правильному пути, не шли "один на один" ради справедливости. В лучшем случае, когда его били здесь, он призывал другую сторону "не говорить о морали". А когда количество людей на их стороне будет преобладать, они скажут "и не надо говорить о морали".

Итак, четыре монаха уровня закона окружили Е Цзяня как юаньшэньского монаха, и, естественно, никто не воспринимает "справедливость" всерьез. Именно потому, что в глазах монаха конечный результат уже можно предвидеть, именно это и помогло Е Цзяню отсечь раздражение. Другими словами, в его сердце его способность справиться с состоянием юаньшэнь с его четырьмя способностями совершенно стабильна, и он даже может заставить другую сторону насильно перейти.

"Хехе, мы давно не виделись, а монахи все те же. Просто беды в моем сердце не должны беспокоить немногих". Тут Е Цзян сказал, и больше не пренебрегал, и уловки дхармы предлагал. Это уважение ложного закона.

Внезапно, окруженная четырьмя великими монахами, огромная человеческая фигура, которая, казалось, была обмотана бесчисленными шелковыми нитями, выступила перед несколькими людьми. В то же время Е Цзян, принесший в жертву лжезакон, повис перед лжезаконом, словно человек повесил кулон на грудь.

"Неудивительно, что Даоюй так уверен в себе, он изначально обладал таким средством. Однако самоуверенность Даоюя, вероятно, просто высокомерие, не говоря уже о таком псевдо-законе, который является культивированием настоящего состояния закона. Позвольте мне подождать!

"Сказал монах Шэнь Гуаншэн глубоким голосом, сложив ладони вместе, и из-за его спины появилась гигантская золотая статуя Будды.

Методы практики буддизма и даосизма различны, и разделение царств также различно, но исполнение на одном уровне силы на самом деле имеет много сходств. Например, в этом состоянии закона монах конденсирует и проявляет закон по-своему, и буддизм также может конденсировать существование подобного закона, которым является это огромное изображение Будды.

Первоначально, находясь в осаде четырех монахов, Е Цзан пожертвовал псевдо-дхармой, и некоторое время казалось, что у него есть импульс, чтобы сокрушить четырех монахов. Однако, когда четыре монаха показали свои золотые статуи Будды позади себя, сцена внезапно вернулась к своему первоначальному размеру. Каждая из четырех золотых статуй Будды, как и Дхарма, не ниже псевдо-дхармы Е Чжана, что превратило сцену в противостояние пяти гигантов.

Однако, несмотря на это, Е Цзан не проявил ни малейшей робости. Вместо этого он попытался манипулировать псевдо-фазой, чтобы начать атаку первым. Увидев взгляд гиганта, опутанный шелковыми нитями, он схватил Е Цзана и бросился к смотрящему вперед монаху, одновременно выбрасывая кулак, как холм, и обрушивая его вниз.

Знаете, хотя у Е Цзана есть только одна фаза псевдозакона, эта фаза псевдозакона - благословение с маленьким миром. Поэтому Е Цзан манипулировал псевдофазой, чтобы выпустить этот удар, обладая не только силой самой Фа-фазы, но и силой малого мира. Этот кулак был огромным, но быстрым. В нем не было ни медлительности, ни медлительности. На кулаке было бесконечное количество мистических рун, каждая из которых являлась правилом пути малого мира.

Широкоплечий монах не знал, что Е Цзан не только обладатель ложной внешности, но и мастер малого мира. Перед лицом атаки Е Цзана на его стороне не было паники. С его песнопениями огромная золотая статуя Будды позади него также немедленно поприветствовала Е Цзана.

Статуя Золотого Будды, огромная ладонь с так называемой "Печатью Ваджры", без колебаний встретила кулак Е Чжана. Внезапно между двумя огромными фигурами раздался рев, который, казалось, потряс небеса и землю.

"Ну что? Дао Ты, Дхарма Дхармы, действительно устроил несчастный случай с бедным монахом!" Это был просто контакт ~ www.wuxiax.com ~ Монах Ваньвэнь уже чувствовал, что Е Цзан 'сила Дхармы Дхармы была экстраординарной. В конце концов, если это чисто псевдо-фаза, даже если она не будет рассеяна этой золотой статуей Будды, по крайней мере, она должна показать некоторый спад. Но сейчас он чувствует, что в этой встрече он, кажется, отстал.

К счастью, монах здесь не один. Даже если псевдо-законы Е Чжана странные, трудно бороться одновременно с четырьмя силами уровня истинного закона.

Пока Е Цзан и монах Гуанвэнь сражались, остальные три монаха не бездействовали, и каждый призывал статую Золотого Будды атаковать Е Цзана. В это время они не будут говорить о "справедливости" и "морали", и победа над Е Цзаном не будет проблемой.

Со стороны Е Цзана, манипулирующего фальшивым законом, чтобы атаковать широко

известного монаха, казалось, что у него нет возможности парировать атаку в трех других направлениях. Однако со стороны Е Цзяня произошла смена тактики, и вдруг с двух сторон от псевдофазы и позади него внезапно появились три пары рук. Когда люди говорят, что магическая сила огромна, они говорят "три головы и шесть рук", но у фа фа Е Цзяня в это время было восемь рук. Восемь рук столкнулись с врагами в разных направлениях, которые оказались врагами четырех монахов, включая Гуанвэня.

Со стороны Е Цзяня, манипулирующего фальшивым законом, чтобы атаковать широко слышимого монаха, кажется, что у него нет способности парировать атаку в трех других направлениях. Однако со стороны Е Цзяня произошла смена тактики, и вдруг с двух сторон от псевдофазы и позади него внезапно появились три пары рук.

Когда люди говорят, что магическая сила огромна, они говорят "три головы и шесть рук", но фа фа Е Цзяня в это время имела восемь рук. Восемь рук противостояли врагам в разных направлениях, которые оказались врагами четырех монахов, включая Гуанвэня. Фупин по-китайски

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/68494/2094851>